

* * *

Мы — последние этого века.

Мы великой надеждой больны.

Мы — подснежники.

Мы из-под снега.

Сумасшедшего снега войны.

Доверяя словам и молитвам
И не требуя блага взамен,
Мы по битвам прошли,
Как по бритвам,
Так, что ноги в рубцах до колен.

Но в конце прохрипим не проклятья —
О любви разговор поведём.
Мы — последние века.
Мы — братья
По ладони, пробитой гвоздём.

Время быстро идёт по маршруту,
Бьют часы, отбивая года.
И встречаемся мы на минуту,
А прощаемся вот навсегда.

Так обнимемся.
Путь наш недолог
На виду у судьбы и страны.
Мы — подснежники.
Мы из-под ёлок,
Мы — последняя нежность войны.

* * *

Валентину Распутину

Как хотел он нас предостеречь,
Убедить, что Слово — это весть.
Человек, России давший речь,
Жизнью заплатил за слово Честь.
Но теряет смысл свои права...
Чудаки, а пуще — дураки,
Золотые русские слова
Разменяли мы на медяки.
Если не пойдём его тропой,
Если зарастёт его тропа,
Станем мы базарною толпой
У Александрийского столпа.
Так прими его благую весть,
И врагу тебя не победить...
Ну, а людям, потерявшим честь,
Можно из истории уходить!

Я вспоминаю всё пуще и пуще
 Рубленный дом, на верёвках бельё,
 Спелой черёмухи райские кущи,
 Ясное солнышко — детство моё.
 Мама с цыплятами в пёстром подоле,
 Сжатых полос золотое жнивье,
 Дальняя песня и чистое поле,
 Ясное солнышко — детство моё.
 Солнце в снопах и луна над амбаром,
 В сенях — телёнок, в саду — соловей.
 Всё это было мне отдано даром
 Кроткой душою — Россией моей.
 Слушать и слушать бы шелест берёзы,
 Видеть лицо молодое твоё.
 И вспоминать сквозь счастливые слёзы
 Ясное солнышко — детство моё.

* * *

Надо будущее строить,	По святой народной воле,
Надо прошлое спасать.	Волей Божьего суда.
Гимн советскому народу	
Я мечтаю написать.	Чтобы будущее строить,
	На костях нельзя плясать.
Ведь победа в ратном поле	Гимн советскому народу
Совершалась и тогда.	Я мечтаю написать.

Памяти Георгия Васильевича Свиридова

Незримы и невыразимы,	Так внятно говорит о счастье,
Лишённые телесных пут,	Ещё возможном на земле.
Рождественские серафимы	И как пророк в сухой пустыне,
Теперь Свиридову поют.	С надеждой глядя в небеса,
О тесноте земной юдоли,	Почти оглохшая Россия
Где каждый звук его зачат,	Внимает эти голоса.
В морозном небе, в чистом поле	Молись и верь, Земля родная,
Распевы горние звучат.	Проглянет солнце из-за туч...
И хора сладкое согласие,	А, может быть, и двери рая
Мерцающее в звёздной мгле,	Скрипичный отворяет ключ.

* * *

Я потихоньку умираю.
Смотрю на птичек у стрехи
И в памяти перебираю
Друзей любимые стихи.

Но были мы одна стихия,
Но были мы одна волна.
Была советская Россия,
Была великая страна.

Я не ищу себе забаву,
Я вслушиваюсь в бытиё.
Одни друзья познали славу,
Другим не выпало её.

Стихи друзей придут оттуда
И возвращаются туда.
Такого певческого чуда
Уже не будет никогда.

* * *

Полон взгляд тихой боли и страха.
Что тебе я могу обещать?
На пространстве вселенского краха
Обещаю любить и прощать.

Всей судьбою своей окаянной
Обещаю не прятать лица.
Обещаю любить постоянно,
Обещаю прощать до конца.

Ты в глазах у меня не седая,
Ты смеёшься, беду отводя,
Вся желанная, вся молодая
В тонких линзах из слёз и дождя.

Прогони эту злость и усталость.
Нас вдвоём и судьбе не избыть.
Всё пропало, а сердце осталось,
Обещаю прощать и любить.

* * *

Янтарная смола. Сосновое полено.
Грибной нечастый дождь
Да взгляды двух собак.
И сердце не болит
Так, как вчера болело.
И верить не велит,
Что все идёт не так.
Как хорошо заснуть!
Как сладко просыпаться,
И время у печи томительно тянуть,
И медленно любить безлюдное пространство,
Не подгонять часы,

Не торопить минут.
И быть самим собой —
Не больше и не меньше,
И серебро воды в лицо себе плескать,
И сладко вспоминать глаза любимых женщин,
И угли ворошить,
И вьюшку задвигать.
Двух ласковых собак тушёнкой не обидеть,
И пить лесной настой, как свежее вино,
И записных вралей не слышать и не видеть,
А слушать только дождь
И видеть лес в окно.
У пруда силуэт давно знакомой цапли,
Которая взлетит немного погоды.
Спасибо, вечный врач,
Мне прописавший капли
В прозрачных пузырьках
Нечастого дождя.

* * *

Ещё горит сияющая млечность,
И молода вода в ночной реке...
Мои друзья уходят в бесконечность,
По одному уходят, налегке.
Освободившись от земного груза,
Я верю, что они идут на свет,

А там поёт пленительный Карузо,
И сладкие стихи читает Фет.
Здесь ходики стучат неутомимо.
Пылают звёзды и шумят леса.
О, Господи, я верю в чудеса!
Но отчего печаль неутолима?

Памяти Ростислава Филиппова

Ах, если б жизнь сумела повториться,
И животворным получился стих,
Мне мир бы вновь явился в милых лицах
Моих друзей, товарищей моих.
Мы все мечтали сказку сделать былью,
Построить светлый храм не на крови.
Тогда я тоже прирастал Сибирью
В своих поездках, дружбе и любви.
Без всяких всхлипов и рекламных клипов
Друзей не позабуду я вовек.
В моей судьбе жив Ростислав Филиппов —
Сибирского масштаба человек.
С пластической медвежностью югорской
В моих глазах он снова молодой,
Шумит, как Енисей, под Дивногорском,

Гитарою звенит над Ингодой.
Роднились мы краями и домами,
И по велению душ, а не силком
Нас из Иркутска посылали к Маме
Распутин, Марк Сергеев и Обком,
Мир наших чувств тогда был юн и светел,
Не обещал безвременных могил.
Тогда «старик» Старшинов нас заметил,
На творческую жизнь благословил.
И я уж на аэродроме, друг мой,
Готовлюсь улететь к тебе — туда,
Где огоньков просыпанною клюквой
Под крыльями роятся города.
И новый век, на прошлый непохожий,
Под крыльями другие времена,
И у небес другая глубина,
И в них витает только Ангел Божий.

* * *

Я выхожу из леса и... ни с места.
И страх, и боль не бережат меня.
В черёмуховом платье, как невеста,
Стоит деревня в жарком свете дня.
Так много света радости и воли,
Так бьётся сердца перепел рябой,
Овсяное передо мною поле
Над песенкою речки голубой.
И солнышко на небе златооко,
И дышится привольно и легко.
И прошлое, как будто недалёко.
И будущее так недалеко.
Не осуждайте бедного поэта,
Что он остановился на пути.
Жизнь прожита. Горит Господне лето.
Осталось только поле перейти.